

ОБРЕТЕНИЕ СЛОВА

Явленное поэтическое слово — ключевой образ и одна из ведущих тем в сборнике Владимира Каганова «Ночной разговор». Слово связано для поэта с индивидуальной памятью и глубинами «прапамяти», существующей помимо конкретного опыта чувств. Память хранит в светлой печали кемеровскую юность, город-Щегленок с родными улицами, старыми тополями, торопливыми прохожими. Здесь рядом «забытые лица ребят» и прочитанный Стивенсон, чистая поэзия рощ и селений Н. Рубцова и недавние исторические реалии. Они оживают в городской комнате, в «ночном колодце» уснувших улиц, во время одинокой прогулки как поэма жизни, совершившаяся и совершаемая на глазах.

Но в сборнике есть и другое слово. Оно входит в лирические раздумья, медитации, ночные монологи как знак причастности к вечной жизни сознания, к бессмертию духа. Впервые это слово услышалось в бессонных родных лесах, в которых сквозь шум желтеющей листвы звучат живые голоса ушедших поколений:

Их голоса вплелися в листья,
Их кровь струится в травах чистых,
И лес родной шумит над ними,
В его душе всегда живыми...

Это слово приходит к поэту порой случайно, вместе с неожиданно зазвучавшей мелодией, со сверкнувшей строкой. Искусство в эти моменты озаряет сознание новым ви-

днем мира и тогда «тонкая Логоса нить пряжу Софии прядет...». Границы поэзии словно раздвигаются, в нее входит не только конкретная, реально увиденная и фиксируемая массивность предметного окружения, но и то, что скрыто за пестротой форм жизни. Поэтическое слово в эти мгновения стремится объять мир в универсалиях бытия, жизнь в ее причастности к космосу. Первое среди этих открытий — новый образ природы: кони на лугу увиденны вдали от нас, «на берегу небес, вверху темнеющих бездонно», и «серебрятся Космоса ключи» в предчувствии рассвета, и озвучена смычками ночь, в которой «Муза пытается звезду на огне». И рядом — собственное существование в магическом круге ночного пространства с тихой болью скрипки, с зияющими пустотами невысказанных поэм — в ожидании звезды.

Мир поэзии Владимира Каганова мифологичен и пронизан верой в то, что неумирающая душа соединена с природой и небесами, с прошлым и будущим. Заявленный в монологах личный опыт героя прост, ему не даны глобальные открытия, новые всеобъемлющие идеи. Чаще всего это переживание уже открытой мудрости. Но человек ищет, «терзая свой неловкий ум», единственное свое слово, соединяющее его с вечным течением духовности:

И когда, отчаявшись пробиться,
Он уже хрипел едва-едва,
Вдруг пошли, крупица за крупицей,
Чистые, негромкие слова.

И в этом обретении собственного слова герой оказывается причастен к одному из самых прекрасных романтических мифов об одиноком человеке, бесприютном в чуждой громаде отравленного города, в суете грязных улиц, который вдруг размыкает границы быта и обретает бытие в мире искусства, обретает поэтическое Слово.

Людмила Ходанен